

Н. П. ГРИНКОВА.

Однодворческая одежда Коротоякского уезда Воронежской губернии.

(Из материалов Юго-Восточной экспедиции Гос. Ак. Ист. Мат. Культуры).

N. P. Grinkowa. — Die Kleidung der Einhöfer im Korotojakischen Kreise des Gouvernements Woronesch.

Der Korotojakische Bezirk des Gouvernements Woronesch ist hauptsächlich von «Einhöfern» besiedelt — Nachkommen der früheren Kriegerleute des Moskowischen Zarenreiches. In der Kleidung der «Einhöfer» findet man gleichzeitig fortlebende alte Motive des südlichen Großrußlands und Zusätze aus Moskau, dem Hauptkulturzentrum des 17-ten Jahrhunderts. Besonders sichtbar sind diese Einflüsse Moskaus in den Dörfern des Bezirkes, die in der Nähe der alten festen Städte des Moskowischen Reiches liegen. Der Moskauer Stadttyp macht seinen Einfluß auf die Grundelemente des südlichen Types Großrußlands besonder deutlich in der Beeinflussung, die der Moskauer städtische Kopfputz—der Kokoschnik, ausgeübt hat; der Einfluß Moskaus zeigt sich ebenfalls im Schnitt der Hemden.

Этнологическое изучение великорусской окраины — Воронежской губернии, бывшей до XVII века окраиной всего Московского государства, представляет интерес в том отношении, что в этом районе значительный % населения составляют так называемые однодворцы, потомки низших служилых людей в Московском государстве. В своем этнографическом облике однодворцы до сих пор сохранили элементы южно-великорусской культуры наряду с элементами московской культуры, иной раз весьма причудливо сочетая одно с другим. Из всех вопросов материальной культуры в этом отношении особый интерес представляет изучение одежды, являющейся в данном случае весьма стойким элементом культуры. Отдельные формы и приемы изготовления одежды традиционно переходят из поколения в поколение, лишь только в случаях весьма длительного соприкосновения с иной, более высокой культурой, воспринимая новые элементы. В материале, характеризующем однодворцев, определенно сказывается отражение иной, а именно московской культуры.

Коротоякский уезд Воронежской губернии дает весьма любопытные материалы по вопросу о степени и характере проникновения московской городской культуры на далекие окраины государства и о роли городов, как проводников этой культуры в XVII—XVIII вв. С этой стороны Юго-Восточной экспедицией Академии Истории Материальной Культуры обследована западная часть уезда в бассейнах

рр. Девичы и Потудани, правых притоков Дона, именно Урывский район (украинская слобода Урыв и великорусские села: Голдаевка, Девича, Мастюгино, Рассошки, Оськино, Платава) и Коротоякский район (Солдатское, Прилепы и Песковатка по р. Потудани). Возникновение большей части обследованных сел относится ко второй половине XVII века, когда впервые в этих местах стала возможной мирная оседлая жизнь, и тем самым весь этот район вошел в состав Московского государства, представляя до тех пор пустую степь, между Московским государством и южными кочевниками. Самым старым поселением в этом районе является бывший город Урыв на берегу Дона, возникший в 1645 г., как сторожевой пункт на окраине государства. Приблизительно к тому же времени относятся и первые поселения около нового военного пункта — села Голдаевка и Девича. Остальные села (Мастюгино, Оськино, Рассошки), отстоящие несколько дальше от Урыва, возникли позже (конец XVII в.), уже после того, как Московское влияние в этом крае стало более или менее прочным. Среди пустынных, мало заселенных степей эти поселения в культурном, экономическом и военном отношении были тесно связаны с единственным городом этого края, Урывом, и всецело находились в сфере его влияния. Как увидим ниже, это влияние особенно интенсивно сказалось на селах, лежащих в непосредственном соседстве с Урывом (Голдаевка и Девича), и несколько слабее на остальных, более удаленных от него.

Села на р. Потудани возникли немного позже выше указанных, уже после постройки г. Коротояка (1648 г.), который в этом районе, южнее Урыва, был единственным городским центром, с которым были связаны соседние села. Таким образом, эти два захудалые в настоящее время городка, превращенные из городов в районные центры, вызванные к жизни военной необходимостью, в прошлом были важными административными и культурными пунктами в данном районе. С изменением политического положения района эти города быстро пришли в упадок, точно так же и служилые люди, населявшие этот район, из военного и дворянского сословия уже в начале XIX века стали государственными крестьянами.

По своему этнографическому происхождению население указанных районов является южно-великорусским, обнаруживая во многих сторонах быта типичные южно-великорусские явления и особенно в области языка (аканье, *з* фрикативное, *т* мягкое в 3-ем лице и т. п.). Эти же южно-великорусские черты определенно сказываются и в основных элементах одежды: понева, сорока и кичка в противоположность северно-великорусским и московским формам — сарафану и кокошнику. Последние формы, идя через местные культурные центры XVII века — Урыв и Коротояк — весьма прихотливо и пестро наложили свой отпечаток на основную южно-великорусскую этнографическую почву в быту местного населения. Дальнейшее описание отдельных видов бытующей в этом районе одежды детально укажет пути и принципы совместного бытования южно- и северно-великорусских элементов культуры.

Мужская одежда

В противоположность большинству мест южно-великорусских губерний, мужская одежда в обследованном районе сохраняет ряд старинных черт и представляет интерес для изучения мужской одежды. Правда, и здесь известны городские формы и вкусы, но это касается

исключительно молодежи и бывалых людей, много поживших на стороне. В основной же массе мужское население ходит в домотканной одежде, сшитой по старым образцам; только в праздник надевают городское платье.

Рубаха шьется из пестряди и зачастую из белого, неокрашенного холста, имея типичный великорусский покрой с разрезом сбоку. Еще до сих пор не только старики, но и молодежь донашивают сшитые лет 10 тому назад белые рубахи, с красными украшениями, совершенно не стесняясь последним обстоятельством. Старинная рубаха обычно украшена внизу на подоле и на рукавах красной перетьюкой различной ширины, а также красными грубыми численными кружевами. В месте соединения рукава с передним полотнищем рубахи вставляются красные „паляки“, т.е. полосы перетьюки или плетения из красной пряжи. Ворот низкий, стоячий (1½ — 2 см.), украшается нашивками черного шнура, а в месте прикрепления ворота, вокруг него, проходит вышивка красной нитью.

Особый интерес представляет старинная мужская рубаха, сохранившаяся в с. Платаве, которая, кроме выше указанных украшений, имеет еще украшения на груди и на спине. Это так называемая рубаха „с мутузом“ или „с хрястом“. В этой рубахе подоплата кроится в виде треугольника, и шов, пришивающий подопку к рубахе, сверху по этому треугольнику вышивается красной нитью („мутуз“). В вершине треугольника, приходящейся посредине груди, вышивается крест в виде двух пересекающихся стежков красной нити, или он вышит несколькими крестиками. На некоторых рубахах такой крест вышивается и на спине. Еще до настоящего времени в с. Платаве носят такие рубахи, не спарывая ни креста, ни „мутуза“; конечно, новых рубах так не шьют и не украшают. Новые рубахи шьют из белого холста, обычного покроя, без всяких украшений; так же распространены рубахи из синей и красной пестряди. В праздники стремятся надеть сатиновую рубаху, только не красную, самой последней модой является черная сатиновая рубаха.

Старинные рубахи—длинные, до колен, подпоясывали их низко („пад пуза“), теперь же стали шить рубахи покороче и подпоясывать на талии.

В недавнее еще время мужчины носили штаны из набойки, набитой на белом фоне масляной краской. Теперь же шьют больше из белого гладкого холста или вычерненного дома. Набивное донашивают, но новых не шьют, так как набивная ткань ломается, не набитый же холст является более мягким.

Верхняя мужская одежда имеет весьма много общего с женской верхней одеждой (см. ниже).

Женская одежда.

Рубаха. В обследованном районе женская рубаха неоднородна по своему покрою. В этом отношении по отдельным селениям может быть проведено определенное разграничение. К одному типу относятся рубахи из сел Девицы и Голдаевки, а также сел по р. Потудани: Прилепы, Солдатское, Песковатка, Ездоцкое. К другому типу относятся рубахи из сел Мاستюгино, Оськино, Рассошки, Платавы. Различие в покрое заключается главным образом в форме „паляков“, вставляемых на плечах рубахи. Первый тип среди местного населения носит название голдаевского (по с. Голдаевке), и в селах Урывского района, кроме Девицы и Голдаевки, где этот тип является основным, также начинают новые рубахи шить по новому покрою, и такую рубаху

называют сшитой „по-галдаецки (рис. 1 с). Голдаевская рубаша имеет следующие особенности. Шьется она из 4-х полных полотнищ („станин“) холста со швами спереди, сзади и 2 на боках. Чаще всего верхняя часть („станок“) шьется отдельно от подставы („юпка“ или „патстафка“). „Скразные“ или „дадольные“, т.-е. цельные рубахи встречаются редко, в старину, говорят, их шили чаще. Вверху к этим основным полотнищам пришиваются прямые „палаяки“, представляющие собой прямоугольные куски холста (17 × 18 см.), у молодых из кумача или красного сатина. У ворота „палаяки“ и часть основных полотнищ собираются в сборку.

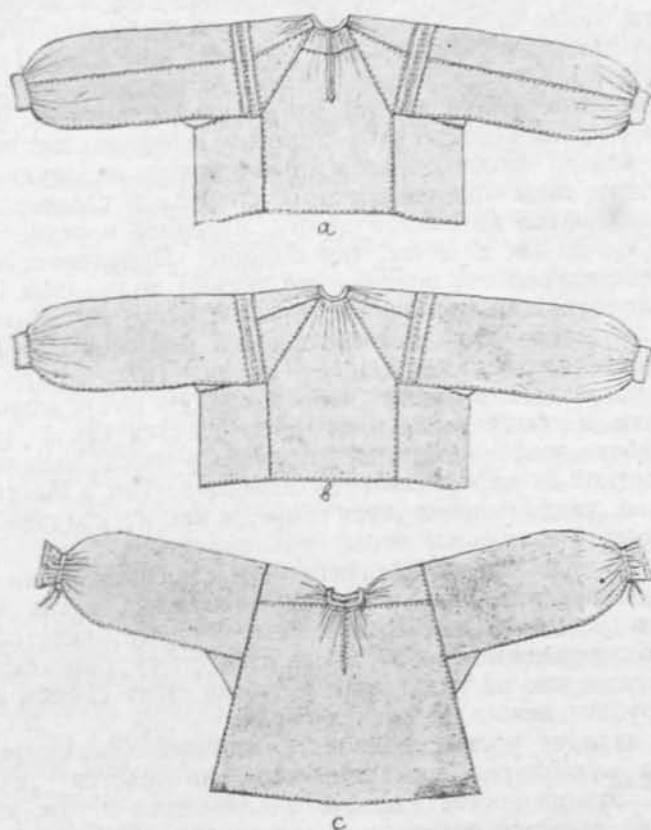

Рис. 1. Покрой женской рубахи: *a* — рубаха с косыми полками спереди, *b* — она же сзади, *c* — рубаха с прямыми полками. Уменьш. в 20 раз.

Ворот глухой с невысокой (2—3 см.) обшивкой, называемой „ажарёлак“; застежка на пуговицу или же на завязках. Спереди идет разрез по шву в 13—15 см. У кормящих женщин на рубахе делается по шву еще разрез в нижней части „стана“ — шир. в 10 см. Рукава вшиваются в прямую пройму, образованную 2-мя основными полотнищами и выше — сложенным „палаяком“. Рукав шьется из $1\frac{1}{2}$ полотнища; добавочная третья часть, так называемая „трётка“, приходится в голдаевской рубахе спереди. Рукав длиной 50—55 см.; внизу собирается в сборку с обшивкой („вшивкой“) или же обшивается оборкой („брызжи“ или „чохлы“). Рукав застегивается на пуговицу или же завязывается „чарусочками“, т.-е. шерстяными тесемками. В обычном месте вставляются прямоугольные ластовицы. Рукава наверху и „палаяка“

в праздничных рубахах украшаются („раскавылевають паляка“). В старинных рубахах таким украшением чаще всего была густая вышивка геометрического характера черной шерстью. Таких рубах сейчас сохранилось мало, и молодые женщины вовсе их не надевают. Ряд экземпляров такого рода имеется в Этнографич. Отд. Русского Музея.

В настоящее время чаще всего украшают верх рукава машинными кружевами, положенными на кумач; такое украшение носит название „хварбóты“ (рис. 11). Кроме того, вышивают красной бумагой. Если же рубаха шьется не из домашнего холста, то покрой, оставаясь в основе тем же самым, несколько видоизменяется. Так, рубаха шьется из 2, а не из 4 полотнищ, вследствие того, что покупной материал шире холста; тогда швы приходятся только на боках. Также и рукава делаются из одного полотнища без „трётки“ (рис. 1 с). Таков в основных чертах покрой голдаевской рубахи, отличный от мастюгинского.

Мастюгинская рубаха шьется также из 4 полотнищ, но они чаще имеют иное расположение: целые полотнища приходятся на груди, на спине и на боках, таким образом швов прямо на груди и на спине и на боках нет; швы приходятся по 2 спереди и сзади. Все 4 полотнища употребляются не равной длины; переднее и заднее полотнища обычно на 20—25 см. длиннее, чем боковые. Переднее и заднее полотнища доходят до ворота, боковые же только до рукавов. К переднему и заднему полотнищам пришиваются косые „паляки“. Каждый из них состоит из 2 частей — большей передней и меньшей задней. Передняя часть называется „касик“, а задняя — „клин.“ (рис. 1 ab).

Рукав вшивается в пройму, образованную снизу боковым полотнищем рубахи, а сбоку „паляком“. Рукав шьется так же, как и в голдаевской рубахе из $1\frac{1}{2}$ полотнищ, причем в расположении дополнительной „третки“ можно установить вариации. Так, в Мастюгине, Оськине, Платаве „третка“ приходится спереди, как и в голдаевской рубахе, в с. Рассошках — сзади; по этому расположению „третки“ рассошинскую рубаху всегда можно отличить от мастюгинской или оськинской.

У ворота все переднее и заднее полотнища, а так же „паляки“ собираются в густые сборки. По внешнему беглому впечатлению мастюгинскую рубаху сразу можно отличить по этим густым сборкам вокруг шеи, в то время как на голдаевской рубахе этих сборок значительно меньше, и рубаха лежит на плечах глаже.

Кроме наличия косых „паляков“, типичная старинная мастюгинская рубаха отличается еще тем, что она шьется „с пельками“ (рис. 8 и 9). Эта особенность покроя заключается в том, что переднее полотнище не делается цельным, а составным. Нижняя часть его по длине равна боковым полотнищам, а верхняя (20—25 см.) наставляется из другого куска. Эта то наставленная верхняя часть переднего полотнища и носит название „пельки“. По этим „пелькам“ в данном районе легко можно было отличить в старое время рубаху молодой женщины или девушки невесты от рубахи старухи или девочки. У первых „пельки“ обязательно делались красного цвета, у старух же и девочек „пельки“ шились из белого холста, иногда только с узенькой красной оторочкой. В прежнее время выражение „перестала красные пельки носить“ значило — состарилась. Здесь мы встречаемся с любопытным и почти исчезнувшим у великорусов делением костюма по возрастным группам. В настоящее же время во многих селах новых рубах с красными пельками не шьют, хотя прежде сшитые надевают и в будни и в праздники, но в с. Оськине указывали, что засмеют молодую женщину, если она сошьет себе рубаху не с красными „паляками“ и „пельками“.

Одна из равновидностей мастюгинской рубахи, так называемая рубаха „с развезьями“, уже давно вышла из употребления, ее можно встретить только на старухах уже в затасканном виде (рис. 1 ab). Эта рубаха характеризуется наличием „развезей“, т.-е. тонкой перетыки шир. 4—5 см.; эта перетыка пришивается к верхнему краю рукава и примыкает к „палякам“. Лет 20 как перестали вытыкать эти „розвези“, и больше не шьют таких рубах. На месте этих „развезей“ в настоящее время можно встретить вышивку крестом геометрического характера, идущую по верхнему краю (у проймы) рукава и по нижнему краю пелек.

Украшением мастюгинской рубахи являются красные „паляки“ и „пельки“. Кроме того, на рубахе с белыми „паляками“ и „пельками“ самые „паляки“ и „пельки“, а также „трётки“ пришиваются красными нитками; на старушечьих рубахах это единственное украшение. Вышивки, подобной вышивке на голдаевской рубахе, здесь вовсе не наблюдается.

Таким образом, суммируя все детали покроя и украшения рубахи в обследованном районе, можно сказать, что при общем основном типе женская рубаха по отдельным селам варьирует, и по некоторым признакам сразу можно отличить рубаху одного селения от рубахи другого.

Наряду с обычной рубахой, состоящей из подставы и стана, в этих местах известна праздничная рубаха, состоящая только из одного стана. Такая рубаха надевается поверх нижней рубахи и как бы играет роль кофты. В настоящее время такой праздничной, если можно сказать, верхней рубахой, чаще всего является рубаха красного цвета—атласная, сатиновая, кумачная (рис. 6). Шьется она с прямыми „паляками“ там, где господствует голдаевский тип, и с „косыми паляками“ и такими же красными „пельками“ при мастюгинском типе. Отклонения от основного покроя идут, как выше указывалось, только за счет ширины покупного материала. Такая рубаха украшается шерстяными, шелковыми и серебряными шнурками, блестками, гарусной разноцветной обметкой, т.-е. носит все те украшения, которые встречаются на „занавеске“ и поневе, не подвергающихся стирке, так же как и красная рубаха.

Понева. Для обследованного района единственной и господствующей женской поясной одеждой является понева. Как выше указывалось при описании рубахи, так и здесь в отдельных деталях поневной ткани, расположении прошвы и в украшениях можно наметить ряд черт, специфических для отдельных селений. Как и в покрое рубахи, так и в особенностях поневы можно наметить два основных типа, географически совпадающих с вышеописанными типами рубахи, а именно, можно наметить тип поневы голдаевский и тип мастюгинский. Причем заранее надо оговориться, что в районе распространения мастюгинской поневы можно встретить бытование голдаевской поневы наряду с голдаевской рубахой; но всегда в таких случаях женщины подчеркивают, что данная понева изготовлена „по-галдаецки“. Появление голдаевской моды в некоторых селах относится к сравнительно недавнему времени; так, например, в Мастюгине указывали, что по-голдаевски стали вышивать поневы лет 20 тому назад, а до этого вышитых понев не носили.

Понева в обследованном районе шьется из темно-синей в клетку тонкой шерстяной ткани (волосени). По отдельным селам расцветка нитей, образующих клетку, и величина клетки различны. На ткань

идет тонкая шерстяная пряжа, причем на клетки стремятся купить бумажную, так как конопляная нитка „доже лахмáтая“. Поневную ткань ткют или из некрашенной шерстяной пряжи или же из окрашенной. В первом случае после тканья получается белая или серая шерстяная ткань с белыми бумажными клетками; эта ткань отдается синильщику в краску, получается темно-синяя ткань с голубыми клетками, так как шерсть и бумага различно принимают одну и ту же краску. Если же пряжу красят мотками до тканья, то получается темно-синяя ткань с белыми или красными клетками. Красную нитку для клетки пропускают только в Платаве, в других селениях преобладают белые клетки (Яблочное, Голдаевка, Болдыревка) или голубые (Рассошки, Оськино, Мастюгино). В настоящее время за окраску фунта пряжи берут 70 коп., а до войны 25 коп. Величина клетки зависит от способа снования: так в Мастюгине в десятню¹⁾ продавают 2¹/₂ пасма²⁾ шерстяной пряжи и по 2 численки³⁾ бумаги, в десятню 2 пасма и 3 численки шерсти и по 2 численки бумаги, в восьмуху по 2 пасма шерсти и по 2 численки бумаги. В таком случае получают клетки величиной от 6 × 6 до 10 × 10 см.

Таков размер приблизительно и в других селах, кроме Платавы, где клетки очень крупны—в десятню продают для клетки по 3 пасма и 3 численки шерсти.

В Прилепах клетки мельче; там основа располагается таким образом: 1 пасмо шерстяной пряжи + 2 бумаж. белые нитки + 2 шерст. + 2 бумаж. белые + 1 пасмо шерстяной пряжи и т. д.

Везде понева шьется из 4 шерстяных полотнищ, 5-е полотнище—одноцветная прошва, на праздничных поневах из синей китайки, на будничных—из черной домашней шерстяной ткани; длина поневы до пят. На поневу идет 5 мт. шерстяной ткани.

При таком покрое понева получается широкая, с густыми сборками или крупными складками, которые получаются от складывания поневы, когда ее прячут в сундук. Недаром здесь красивой считается „лапушы'стая баба“, на которой понева с расходящимися складками сидит подобно криволину. В последние годы, особенно после того, как многие побывали на Кубани, где не носят понев, перестали делать прошву, а шьют поневу из 5 одинаковых полотнищ. В селе Оськине прошва имеет одну деталь, неизвестную в поневах соседних сел: здесь шьется понева с так называемым „падпрошвенником“—т.-е. полосой в ¹/₄ арш. шириной из поневной ткани, пришитой внизу к прошве. Оськинские женщины объясняют наличие на их поневах „падпрошвенника“ тем, что при вышивании („подвóска“) поневы, неудобно „падвãзить“ тонкую ткань прошвы. В разных селах прошва вставляется в разных частях поневы. Так в Мастюгине прошва с правого бока, в Яблочном—спереди, в остальных—с левого бока.

По самому подолу здешняя понева, как вообще все поневы, обшивается пояском домашнего изготовления из шерстяной пряжи. Эти пояски ткют на особых дощечках, известных во многих местах Великой России⁴⁾. Правда, на новых поневах пояски иногда отсутствуют, что объясняется тем, что для их изготовления нет „шалóну“ (т.-е. цветного гаруса). Для тканья поясков чаще всего употребляют гарус 3 цветов—красный, белый и черный; самый распространенный способ

¹⁾ Десятня, девятня восьмуха — берда разной частоты в ткацком станке.

²⁾ пасмо = 10 численкам.

³⁾ численка = трем ниткам.

⁴⁾ Процесс изготовления подробно описан в книге Н. И. Лебедевой. „Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки“, М. 1927.

снования поясков следующий: пропускают 4 раза по 5 ниток красного цвета, 4 раза по 2 белого и 4 раза по 3 черного.

В старину красили своими красками шерсть для поясков и для расшивки поневы, но лет 30 тому назад бросили этим заниматься в виду того, что в большом количестве стали доступны покупные краски. Только в с. Прилепах удалось разыскать старуху, мать которой еще окрашивала сама шерсть, и приобрести у нее, так называемый, „крюк мареный“, употреблявшийся для выкапывания корня марены (*Rubia tinctorum*). Корни марены копали в лесах и лугах, которых в старину было больше, чем теперь, связывали в пучки, сушили на солнце, а потом отваривали; в полученном настое и окрашивали шерстяную пряжу в темно-красный цвет. В желтый цвет красили отваром дрока. В настоящее время при отсутствии покупных красок все-таки не возвращаются к этим старинным способам окраски.

Одной из характерных особенностей голдаевской поневы является сильно развитая вышивка гарусом, чего нет на мастюгинской поневе. На мастюгинской поневе вышивка идет только по подолу (подподолень), на голдаевской же в некоторых разновидностях расшивается вся понева, от основной ткани остаются только небольшие просветы. Вышивка на поневах делается разноцветным гарусом, преобладает красный цвет. Кроме вышивки гарусом, украшают также узеньким серебряным шнурком, извилистым черным шерстяным шнурком и блестками. Во всех селах, знающих расшивку понев, сохранились различные узоры с определенной, выдержанной терминологией. Точно также композиция всего бордюра, идущего кругом поневы, является выдержанной. Бордюр (рис. 2) на каждой поневе состоит из нижней густой зашитой части, над которой расположен более ажурный узор. Нижняя часть узора состоит из чередующихся элементов — „своски“ (рис. 2, е), „плашника“ (рис. 2, д), „зубцов“ (рис. 2, а). „Своска“ представляет собой обметку крупными вертикальными стежками; „плашник“ — сплошную зашивку горизонтальными или вертикальными стежками разноцветной шерстью, благодаря чередованию цветов на плашнике получается тот или иной узор геометрического характера на основном красном фоне; „зубчики“ — расшивка вертикальными стежками различной высоты, благодаря чему получается ритмическое чередование зубцов, чаще всего зубчики делают красного цвета. Выше этих элементов узора располагается, как указано, более ажурный узор, различного вида, и носящий различные названия.

Особенно распространенным узором являются различного вида „лапочки“: 1) просто „лапачки“ в виде стерженьков на ножках из горизонтальных стежков (рис. 2, IV), или же в виде высокого стержня с расходящимися ветками (рис. 2, VI); 2) „густые лапачки“, такого же типа, как на рис. 2, VI, но очень густо зашитые (рис. 2, III); 3) неполные „гусячьи лапачки“, близкого типа и более ажурные (рис. 2, II). В с. Девица часто лапочки (рис. 2, V) называют еще „сбсенки“.

В голдаевской поневе в нижнюю часть узора, которая на этих поневах шире и богаче, чем на мастюгинских, входят еще некоторые элементы, редко встречающиеся на мастюгинских поневах — „палукруй“, „круй“, т.-е. ромбы различной величины (рис. 2, VI), „большие круй“, „аряпёй“, комбинация из пересекающихся линий, „аб пяти гласкоф“ — комбинация из 5 красных ромбов с цветными точками внутри каждого, „сброк крючкоф“ — сложный геометрический узор, „яблочки“ (рис. 2, III). Обычно каждый элемент узора шьется разного

цвета, на определенном расстоянии чередуются группы стежков одного цвета: красный - лиловый - красный - зеленый - красный - синий - красный - лиловый и т. д. Преобладание красного цвета сказывается не только в его частом присутствии, но иногда и в том, что части, занятые красным цветом, несколько шире соответствующих частей другого цвета. Конечно, не каждая женщина умела и умеет вышить поневу, но почти в каждом селе есть мастерицы на это, говорят, что работы за вышивкой нарядной поневы много — около 2 недель просидишь, за эту работу платили до войны 4 р. — 5 р., сейчас же не вышивают („с самага тóладу“) за отсутствием гаруса.

Будничная понева украшается нашивкой плетеного пояска на подоле, да неширокой полосой вышивки. Праздничная же понева в отдельных районах украшается различно. Так в Мастюгине праздничная понева чаще всего украшена нашивкой в один или два ряда позумента. Часто так же украшают поневу в Оськине, Рассошках.

В других местах главным украшением поневы является вышивка цветным гарусом, который называется здесь „карази“ (Девича и Голдаевка), „шпáнка“ (Прилепы), „шалóн“ (Мастюгино, Рассошки). Этот гарус до войны покупали на ярмарках, на каждую праздничную поневу шло 3 — 4 „куклы“ (т. е. свернутых мотков) гаруса, каждая ценой около 50 коп., так что материал для вышивки обходился около 2 руб.

Особенно богато расшивается праздничная понева; в селениях по Потудани и в Голдаевке и Девиче, называется она чаще „шпáнковая панёва“, так как расшивается цветным гарусом, называемым здесь „шпáнка“.

В отношении украшения поневы особенно интересны с. с. Девича и Голдаевка, где праздничные поневы существуют нескольких видов, каждый из них определенно приурочивается к тому или иному торжественному выходу. Богатая невеста в своем сундуке должна иметь полный набор праздничных понев, победнее имеют не все виды, но все-таки несколько разных праздничных понев. Эти поневы переходят от матери к дочери и т. д., переживая несколько поколений, и в настоящее время приобрести праздничную поневу очень трудно, так как за отсутствием нужного материала для украшений, молодые женщины перекупают их у старух, платя по 25 — 35 руб. Молодوخе без традиционной праздничной поневы в первые год-два замужества зазорно появиться в праздник в церкви или на улице на гулянье. Молодая женщина среднего достатка имеет 10 понев, богатые 12 и больше; у бедных бывает по 3 и меньше. Если выдают замуж сироту, у которой от матери мало или ничего не осталось, то перед свадьбой крестная обойдет всех женщин по селу; все, за исключением самых бедных, считают своим долгом дать сироте какой-либо ткани — полотнище на рубаху или полотнище на поневу. Нужно заметить, что у многих женщин до сих пор еще лежат большие запасы ткани своего изделия, называли таких, у которых в клетях лежит до 90 аршин. При однородности процесса тканья и при одном выдержанном типе одежды вполне возможно приготовить ту или другую одежду из сборных полотнищ.

Самой торжественной поневой является так называемый „сукма́н“. Эта понева особенно богато расшивается по клеткам ткани красной шерстью так, что узенькие полосы ткани, образующие клетки, получаются выпуклыми, шир. в $1\frac{1}{2}$ см; расшивка по клеткам носит название „палóски перебра́тые“, а черные пространства между ними „гласки“. Так же расшиваются и швы, соединяющие полотнища, здесь зашивка идет шириной в $\frac{1}{4}$ арш., достигая от подола различной

высоты на разных экземплярах. Подол имеет широкую полосу сплошной вышивки из шерсти, узор — ромбы.

Сукман может быть заменен поневою „с кружками“; эта понева от предыдущей отличается тем, что на ней не расшиваются клетки, вышивка идет по швам вверх и по подолу; зато на подоле она делается шире и в узоре имеет „кружьи“, т.-е. ромбы.

Такая же, но несколько менее украшенная понева, называется „полукрух“.

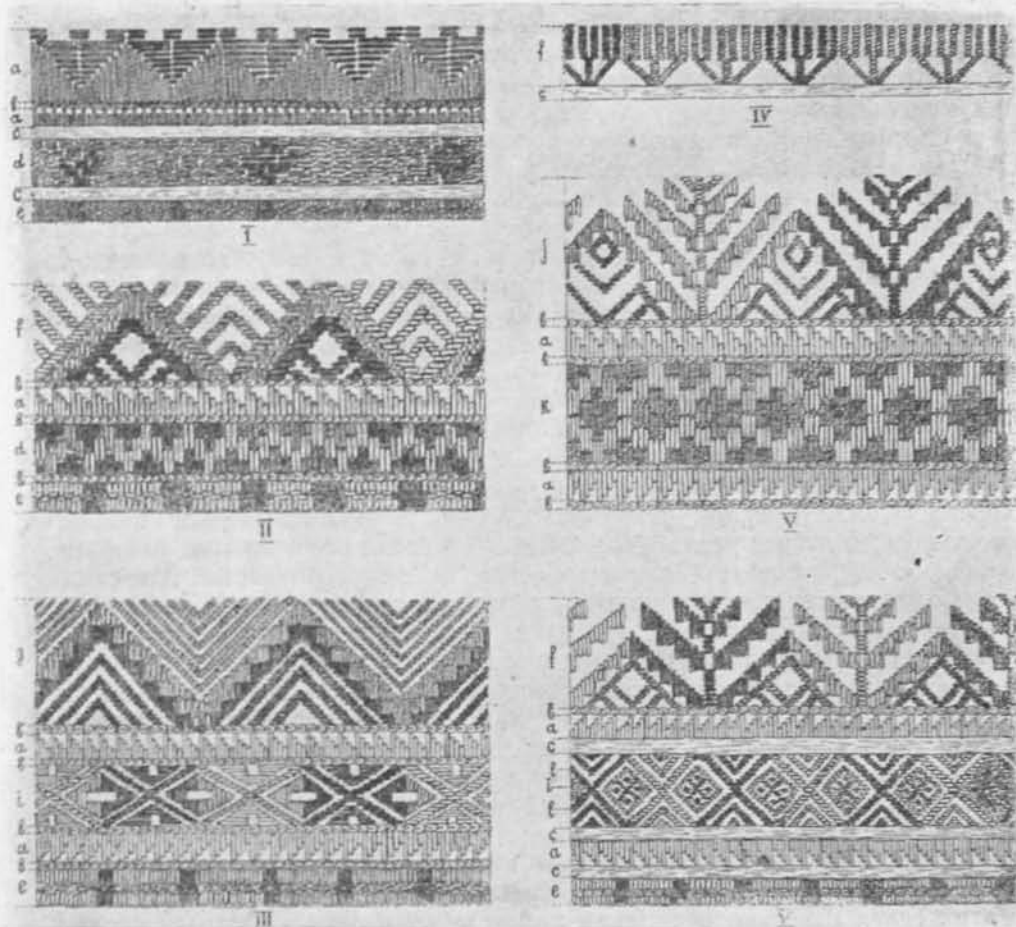

Рис. 2. Вышивка на поневах: *a* — „зубцы“, *b* — плетенек, *c* — позумент, *d* — плашник, *e* — своска, *f* — лапочки, *g* — густые лапки, *h* — подлапнички, *i* — яблочки, *j* — сосенки, *k* — свободной плашник, *l* — кружки. С. Девича. Уменьш. в 2 раза.

Праздничной поневою второй степени, если можно так сказать, является понева „с блёстками“. Она не имеет расшивки на швах и на клетках, а только широкую расшивку по подолу и выше расшивки — густо нашитые блески, расположенные геометрическим узором.

Эти поневы носят общее название понев „с красью“. Известна еще понева «с бёлью». Эта понева, у которой не зашиты клетки, так что

видны белые пересекающиеся нитки ткани, на подоле неширокая вышивка. Иногда и в такой поневе обметываются швы гарусом. Всякая понева с обметанными швами носит название — „распалатённая понева“, так как при помощи этой обметки отделяются полотнища („палотна“).

Сукман и поневу „с кружками“ молодая женщина может надеть в церковь в „гадовской“ (годовой) праздник и на свадьбу. Придя из церкви, она должна переодеть поневу, надеть поневу с блестками и в ней гулять днем. В обычное воскресенье в церковь следует надеть поневу с блестками, а днем, после обеда — поневу с белью или полукруг. В будни — простую поневу. Если какая-нибудь молодуха не соблюдает этих правил, то этим показывает, что у нее и у ее матери не было запасено приданого, и что они обе плохие работницы и рукодельницы.

Старухи вовсе не надевают понев с красью. В годовой праздник старухи надевают поневу с белью или полукруг.

Понева в с. с. Прилепах и Солдатском в основных чертах сходна с голдаевской поневой, именно с сукманом: так же имеет своску на швах, так же зашиты клетки. Отличие состоит в том, что расшивка, идущая от каждого шва в обе стороны (шириной 17—20 см), имеет зигзагообразный узор образуемый полосками в 1—2 см шириной из вертикальных стежков, эти полоски носят название „пальчиков“. В этом узоры преобладает оранжевый цвет, чередующийся с более узкими полосами зеленого, красного, синего и фиолетового цвета; оранжевая полоса обычно в 3 раза шире остальных. Подподолень так же в основе оранжевого цвета с „кругами“ или „аряпьями“ других цветов.

Типичная для большей части воронежских однодворок поясная одежда в виде красной полосатой юбки, в обследованном районе имеет весьма малое распространение, что вполне понятно при наличии и разнообразии понев. Полосатые юбки наряду с поневами известны в с. Солдатском, где женщины одновременно шьют себе и поневы и юбки. Подобное явление в других местах не наблюдается. Быть может, это стоит в связи с разнородным и разновременным заселением Солдатского; в числе старых поселенцев этого села были, между прочим, выходцы из Тульской губернии, где однодворки почти повсеместно знают полосатую юбку. Реже чем в Солдатском, можно встретить такую юбку в с. Прилепах, в других же обследованных селах юбка вовсе неизвестна. В Гудаевке понев вовсе нет, носят только юбки.

Красные юбки носят молодухи и девушки (рис. 11, средняя фигура); старухам „не личить насыть красные юбки, как виски¹⁾ седые“. В этих селах известно несколько видов юбок в зависимости от характера полос. Так, например, есть „белая“ юбка, в которой широкие белые полосы чередуются с зелеными, красными, черными и желтыми полосами; „красная“ юбка имеет широкие красные полосы и очень узкие (по 3 нитки) белые полоски; „мелкополосая“ юбка имеет разноцветные узкие полосы, с преобладанием красного (темного и яркого оттенков); „семидесятная“ — узор „семидесятый“, повидимому, занесенный из с. Семидесятного Нижнедевицкого у., — характеризуется наличием широких зеленых полос. Кроме того, известен еще „подлесинский“ узор, перенесенный из сел, расположенных под лесом на западе Коротояк-

¹⁾ Волосы.

ского у., ближе к Курской губ.; отличительным признаком его является наличие синих полос, наряду с зелеными.

Необходимой принадлежностью праздничного костюма женщины в обследованных селах является „завэска“, по будням обычно не надеваемая. Материал для завески, обычно, покупной. В селах севернее Урыва чаще всего завеска из красного кумача или сатина с украшением из черного („гарус“) и серебряного („плетенёк“) шнура. В селах южнее Урыва — чаще имеются завески из тонкой шерстяной ткани зеленого, малинового цвета; зеленый цвет господствует на Потудани. Такая завеска украшается чаще всего широкими машинными кружевами (рис. 11).

Верхняя часть „завэски“ часто несколько скашивается и собирается наверху в густые сборки, так что все полотнище (с небольшими срезами) наверху имеет около 10 см., это — завэска „с пупком“ (рис. 3в)

К верхней узкой части „завэски“ прикрепляется шнур, при помощи которого „завэска“ привешивается на шею. В тех местах, где верхняя часть завески скашивается, делаются петли, в которые продевается пояс; концы этого пояса висят вдоль спины. В отличие от подпояски, надеваемой с юбкой и поневой, этот пояс имеет скрепленные концы, которые не разлетаются, а висят одним тяжелым концом. Грудь завески украшается серебряными и черными шелковыми шнурами, подол — лентами, позументом, серебряными шнурами, гарусом и машинными кружевами (рис. 3в).

В селах севернее Урыва распространена исключительно „завэска с пупком“, в южной же части обследованного района преобладает завэска без пупка, сшитая из одного полотнища (рис. 11).

Передники („хвартуки“), прикрепляемые к поясу, по словам местных женщин, появились с голодовки. После того, как побывали на Кубани, так появились и „хвартуки“. В Прилепах, в непосредственном соседстве с украинцами из с. Колбина особенно интенсивно идет проникновение „хвартуков“, которые здесь называют еще „запáсками“ (рис. 4).

По мере вытеснения завесок и распространения передников, входят в быт кофты, неизвестные в старину. Говорят, что мода на кофты появилась с Кубани. В праздник надевают черные кофты, в будни цветные, но молодые женщины все-таки предпочитают в праздник надевать яркую завэску, чем темную кофту. Кофты носят название „халадáечка“.

С поневой, юбкой и занавэской носится пояс. Пояс, надеваемый с поневой и юбкой, носит название „пакрómка“, „патпáйска“, „пóяс“;

Рис. 3. а — молодуха в халате и кокошнике; б — молодуха в завэске и кокошнике. С. Мاستюгино.

надеваемый же с завеской называется „пакрѳмка“ — пояс, вытканый из гладкой темно-синей ткани, с вышитыми бисером концами. Подпояска или пояс — покупной красный или зеленый из гладкой шерстяной ткани. При надевании с поневою или юбкой всякий пояс укладывается так, чтобы укрепленные концы спускались бы спереди, если же надета „завеска“, то эти концы подтыкают с боков. Концы пояса украшают густой обметкой из гаруса (наз. „падбрѳдки“) или же кистями из гаруса („накищѳный пояс“), пришивают и круглые густые кисти („чубки“). В Прилепах и Солдатском преобладают зеленые покупные пояса.

Безрукавная плечевая женская одежда — в обследованном районе имеет весьма ограниченное распространение. Известна она преимущественно в с. с. Девиче и Голдаевке под названием „раздуванки“ (рис. 4). Это праздничная одежда девушек и молодых. Шьется она из шелка или сатина ярких цветов, имеет косой покрой, длиннее пояса, украшается густо блестками в виде полос („ремѳнь“). В будни надевают узкую, более короткую „жилѳтку“ из простого материала. Такие же жилетки, называемые „тяплюшка“, известны на Потудани. Как „раздуван“, так и жилетка появились лет 20 тому назад, в старину их не носили, на Потудань принесены в последние годы с Кубани.

Верхняя одежда. Д. К. Зеленин в своем исследовании „Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных“, считает, что типичной для однодворцев одеждой является шушпан. Наши же материалы в этом отношении дают разнородные данные. Так, в селах на Потудани нет никаких следов шушпана и, по уверениям старух, там и вовсе их не было. В остальных селах вспоминают, что бабушки их нашивали шушпаны („как куль, как мяшок“), и только в с. Оськине встретилось несколько экземпляров старых изодранных шушпанов. Здесь шушпаны шились из толстого белого сукна, как и во многих местах Воронежской губ., в противоположность другим южно-великорусским губерниям, знающим шушпаны из легкой шерстяной ткани. Оськинский шушпан сшит из 4 полотнищ, расположенных по типу мужской рубахи, с рукавами, вшитыми в проймы, образованные боковыми сторонами переднего и заднего полотнища и верхними сторонами боковых полотнищ. Спереди разрез донизу, вырез для головы небольшой, воротника не имеет. Рукава длинные; длина самого шушпана 98 см. От такого же шушпана северных частей губернии оськинский шушпан отличается тем, что боковые полотнища его имеют особый покрой, так называемый „потопѳрному“¹⁾. В этом отношении он приближается к шушпану, господствующему в южной части губернии (Бирючский у.). Деталь, отмеченная в 50-х годах для Коротоякского у. (без точного указания места)²⁾ — собирание подола шушпана в сборку — отсутствует, по крайней мере о ней не помнят старухи. Шушпан в старину носили в осеннее и зимнее время; говорят, что раньше женщинам шуб не шили, а в холода надевали по два шушпана.

Наряду с шушпаном был известен и другой вид верхней одежды — „халат“, который сохранился повсеместно у старух, а молодым достался, как приданое, от матерей (рис. 3а). Халат шьется из такого же толстого сукна, как шушпан. Эта одежда известна, как мужская, так и женская; покрой мужского и женского халата одинаков, с тем только

¹⁾ Описание и покрой см. Н. И. Лебедева — „Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки“, М. 1927, с. 56.

²⁾ Архив Географич. О-ва, IV, 27.

различием, что женский халат имеет больше клиньев и складок и застегивается на левом боку. Шьется халат из основных 3-х полотнищ, длиною до метра: спинки и двух полков. Спинка выкраивается таким образом, что от плечей до пояса она сильно скашивается, так что вместо ширины полотнища в 40—50 см в талии получается 15—20 см. Передние полки надставляются скошенными клиньями, так же как и спинка, таким образом женский халат получает в подоле ширину до 4¹/₂ метров, мужской же — до 3 метров. Эти клинья у пояса собираются в мелкие густые складки („кастрецы“), которые с изнанки скрепляются. Складок закладывается по 7 штук на каждом боку. У такого халата при застегивании одна пола находит на другую и идет вкось, ворот с большим овальным вырезом, как говорится „косой ворот“ и „душа наружу“;

Рис. 4. Девушка в раздуванке.
С. Голдаевка.

Рис. 5. Девушка в ластике.
С. Прилепы.

обшит ворот красной шерстяной тканью. В селах же на Потудани ворот закрытый.

В настоящее время распространен короткий халат, до колен, с прямым воротом, называемый „куцынка“. Такую куцынку носят и мужчины. Пожилые женщины к обеду надевают халат, невеста надевает под венец также халат.

У молодежи выходной нарядной верхней одеждой является „ластик“, такого же покроя, как халат, но шит из черного сатина или ластика на подкладке. Благодаря тонкой ткани, складки у пояса лежат лучше, чем на халате. Подол и полы ластика выстрачиваются на машине разноцветной ниткой (рис. 5).

Головной убор. Выше уже указывалось, что однодворки обследованного района весьма слабо сохранили московскую моду в своей одежде. Единственной формой одежды, связывающей женскую одежду этих мест с типичной однодворческой, является кокошник. Здесь кокошник служит исключительно, как особо торжественный.

праздничный наряд, надеваемый только в „дадавской абнаряд“. Кокошник носят в с. с. Мастюгино, Девица, Голдаевка, Прилепы и Солдатское, т.-е. в селах, близко расположенных к старым административным и культурным центрам XVII—XVIII в. Дальше от Дона и от старой сторожевой линии в Рассошках, Оськине, Яблочном кокошник неизвестен. Это географическое распространение кокошника наводит на мысль о его пришлое появлении, занесении, как мода, извне.

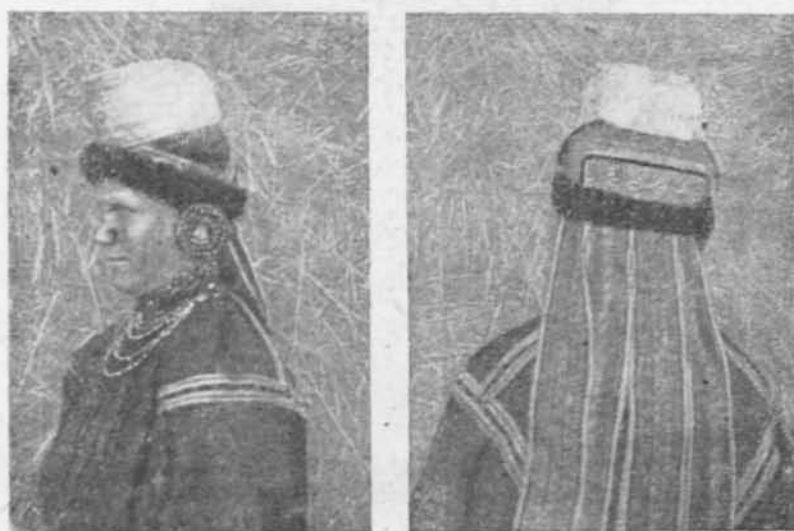
Это соображение подтверждается также способом ношения кокошника, указывающим на то, что кокошник в этих местах есть позднее наслоение на другую, ранее известную более старую и более характерную для этих мест, форму головного убора.

Здесь кокошник представляет собой цилиндр, выс. 10 см, диам. 32 см, со скошенной задней частью; сшит из позумента на твердой папочной основе; сзади сверху вниз между позументом вставлена полоса золотого шитья. В диаметре кокошник невелик, что сообразуется со способом его ношения, так как кокошник не надевается на голову, а прикрепляется сверху на другие части головного убора, надетые вниз, под кокошник (рис. 3 и 6). По своей форме кокошник является типичным для Воронежской губернии. Почти везде, где только в Воронежской губ. носят или носили кокошники, они имеют одну и ту же форму, различаясь только высотой цилиндра и величиной диаметра, так как в некоторых местах кокошник надевается на голову и достигает больших размеров, чем описываемый.

Под кокошник надевается „позатылень“. Позатылень в основных своих чертах является однородным во всех обследованных селах. Различие только в деталях и украшениях. Он представляет собою полосу золотого шитья, нашитую на полосу кумача (шир. 17 см, дл. 11 см); к этой полосе кумача с боков пришиты лопасти той же ширины, длиной 20 см. Вокруг золотого шитья и по низу лопастей нашиты позумент, розовая, красная и черная тесьма уголками, черный и золотой шнур, бисер. Внизу весь позатылень обметан красным гарусом с бисером („падбрудки“). Наверху позатылень несколько собирается в сборку на ссученную нитку, так что получает вид полукруга. Надевается таким образом, что золотое шитье приходится на затылке, прилегая к шее, а лопасти идут наперед, прикрывая уши, сходятся спереди, где застегиваются на лбу крючком и завязываются на темени ниткой, на которую собран верх позатыльника. В разных селах позатылень имеет вариации в украшениях. Главным украшением являются ленты красного, зеленого и синего цвета с вытканными цветами; эти ленты нашиваются парами одного цвета, одна на другой, при чем зеленая и синяя по 1 паре, красных же две-три пары; все длиной 40—50 см. Под этими парами лент внизу прикрепляется еще по одной ленте красного и синего цвета без цветов. Это самая дорогая часть позатыльника, так как на нее идет 7 арш. шелковых лент (рис. 6b). Весь же кокошник с позатыльником стоил до 10 рублей. Внизу на каждую ленту нашивается полоска галуна. Когда надет позатыльник, то вся спина до пояса закрыта этими лентами. Украшение позатыльника лентами известно в ряде мест по южно-великорусским губерниям. Эта широкая полоса из лент в данном районе имеет аналогию в позатыльниках большей части южно-великорусских губерний, где позатыльник имеет широкую лопасть, свешивающуюся по спине или в виде расшитой ткани или в виде бисерной сетки. В с. Платаве позатыльник несколько отличается от только что описанного тем, что „падбрудки“, т.-е. гарус, которым обметан нижний край позатыльника, здесь много гуще, и самая обметка шире; от-

дельные петли длиной около 3 см; вся эта опушка выступает довольно рельефно вокруг всего позатыльника (рис. 6). Сходное украшение из гаруса пришлось видеть на головном уборе женщин на ярмарке в Оськине из с. Суцеры, Нижнедевицкого у. В других местах мне неизвестны такого рода украшения. В селах на Потудани позатыльники известны без лент, зато на самый кокошник кругом повязывается лента, чаще зеленая, за которую затыкаются павлиньи перья и пучки селезневых перьев. Ленты, которые пришиваются в других селах к позатыльнику, на Потудани собираются на шнурке и привешиваются к шее, как в Землянском и Задонском у. у.

Другим украшением позатыльника являются так называемые „пушки“, представляющие собою кружки из бумаги или картона (диам. 7 см), которые обшиваются тканью и с наружной стороны украшаются нашивками из позумента, блесков, бисера, бус, горошков,

а б
Рис. 6. Женщина в кокошнике. С. Платава.

шнурков и т. п. Все эти украшения располагаются концентрическими кругами. Пушки прикрепляются ниткой или крючком к позатыльнику так, чтобы они приходились над ушами (рис. 6а). Самое название „пушки“ и форма этих украшений указывает на генетическое родство их с более распространенными в южно-великорусских губерниях украшениями из гусиного пуха. Такого рода украшения, как выше описанные пушки, имеют широкое распространение только в Воронежской губ. и в соседних местах Курской. В других местах южно-великорусских губерний, повидимому, они не имеют широкого распространения, заменяясь пушками из пуха. В основе своей как те, так и другие восходят к древним височным украшениям. Пушки носятся только с позатыльником. Ближе к переду от этих пушков прикрепляются „касицы“ — пучки селезневых перьев.

В старину кокошник носили с кичкой (см. стр. 165).

Кокошник с описанными украшениями обычно носит молодуха каждое воскресенье и все праздники в течение первого года замужества, до 1-го ребенка; позднее надевает только в самых торжественных случаях. Рассказывают, что несколько лет тому назад, как нет

детей, так лет 15 после выхода замуж носили кокошники. Во всех селах, кроме Голдаевки, кокошники носят еще молодухи и во время свадьбы.

Села, не знающие кокошника (Рассошки, Оськино, Яблочное), в качестве праздничного головного убора знают „сороку“, — головной убор, типичный для южно-великорусских губерний. Здешняя сорока всегда красного цвета, шьется из кумача или сатина и имеет очень небольшие размеры (рис. 7). По первому впечатлению здешнюю сороку

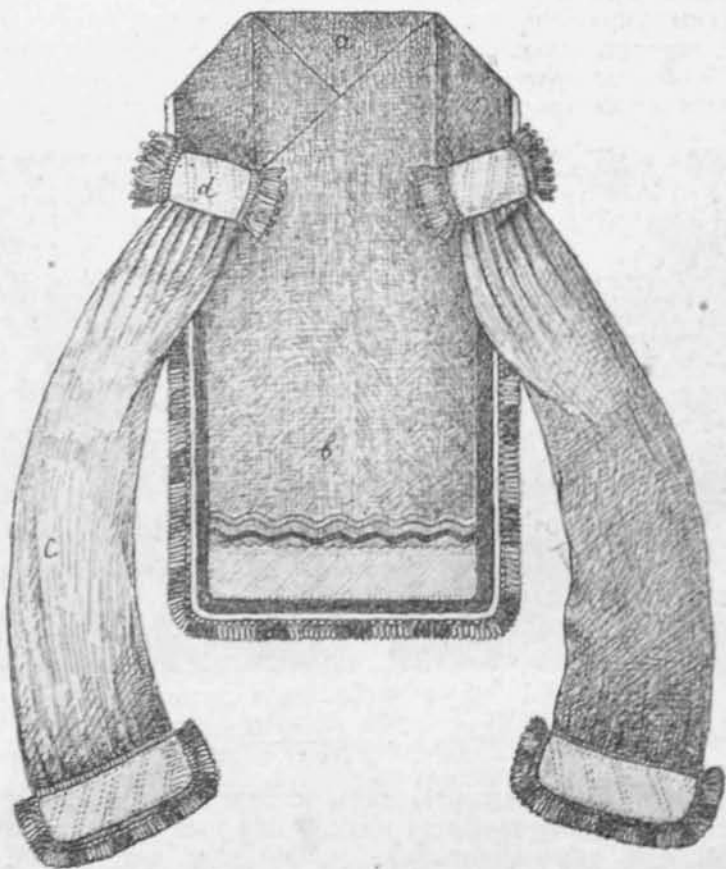

Рис. 7. „Сорока“ — женский головной убор; *a* — макушка, *b* — хвост, *c* — крылья, *d* — чубочки. С. Оськино. Уменьш. в $2\frac{1}{2}$ раза.

можно было бы назвать сорокой с длинным позатыльником! в миниатюре; такие сороки с длинными, из той же ткани сшитыми позатыльниками, известны главным образом у великорусов в Тамбовской губернии и у мордвы. Под сороку надевается позатыльник вышеописанного типа.

Размеры оськинской сороки невелики. Лобная часть шир. 4 см, длин. 10 см. Верхняя часть („макушка“—*a*), соответствующая той части, которая покрывает всю голову в обычной южно-великорусской сороке, шир. 8 см, длин. 12 см; часть, соответствующая позатыльнику, здесь называемая „хвост“ (*b*), имеет шир. 11 см, длин. 17 см. Кроме того, в месте скрепления позатыльника с основной

частью прикреплены „крылья“ (с), представляющие собою лопасти, длин. 65—70 см и шир. 6—7 см. В месте прикрепления крылья собраны в сборку и украшены кистями из гаруса с бусами и позументом („ушки“ или „чубочки“—d). Лобная часть („чёлышко“) — твердая, с подшитой дощечкой, снаружи украшена золотым шитьем, золотым шнурком и дутыми разноцветными бусами. Верхняя часть („макушка“) делается из трех треугольных кусков ткани: один лежит сверху, а два других перекрещиваются с боков. „Хвост“ кругом обметывается разноцветным гарусом, украшается позументом, бисером, тесьмами и лентами, подобно тому, как украшаются позатыльники из ткани на сороках. „Крылья“ также имеют все эти украшения.

При надевании сороки лобная твердая часть стоит наклонно вперед надо лбом и вместе с „макушкой“ представляет как бы коробочку, прикрепленную надо лбом и сильно выступающую вперед над лицом. Эта коробочка надевается на скрученные волосы, не заплетенные в косы¹⁾. „Хвост“ ложится на макушке головы, подходя своим концом к началу позатыльника, а „крылья“ на самой макушке головы перевязываются узлом, и концы их спускаются сзади поверх лент позатыльника. Такой способ ношения сороки мне вовсе неизвестен в других южно-великорусских губерниях.

По общему облику ее можно было бы, хотя и отдаленно, сближать с курскими сороками, также не двурогими, а имеющими один выступ, вертикально стоящий на голове. Весьма близки к описанной сороке головные уборы из Нижнедевицкого и Бюрючского у.у. Воронежской губ.

Если сравнить описанную сороку по способу ношения с кокошником, то вполне понятным станет нелепый на первый взгляд способ надевания кокошника, его форма и сравнительно малые размеры. Повидимому, форма современного кокошника является контаминированной формой, получившейся в результате встречи двух типов головного убора — сороки, в старину типичной для местного населения, и кокошника, принесенного сюда однодворцами, как московская мода. Этим обстоятельством и объясняется то, что кокошник здесь носится со всеми необходимыми и типичными для сороки аксессуарами.

Будничным головным убором в большей части обследованных селений в настоящее время является платок, завязываемый узлом под подбородком. В старину же здесь была известна кичка с таким же платком, но сейчас такая кичка сохранилась только в одном с. Рассошках, где ее носят все молодые и пожилые женщины и в будни, и в праздники, так как сороку надевают только 2—3 года молодухи. Правда, в последние 3—4 года, побывав на Кубани, некоторые женщины отстают от этой старинной моды, но еще очень многие крепко держатся старины. В других же селах сравнительно недавно кичка вышла из повседневного обихода. Так в Оськине указывают, что „кички памятали лет шесть“, в Мастюгине — лет десять, на Потудани — лет 15—20. Главная причина — насмешки со стороны соседей, так как часто приходится ездить на базары в Давыдовку и в Лиски, где бывает большое стечение народу, и над женщинами в кичках посмеиваются; только рассошинские, не боясь этих насмешек, берегут свою кичку. Но, конечно, подрастающее поколение не будет шить себе новых кичек, и этот головной убор исчезнет и в этом селе. Следует заметить, что в Рассошках кичку носят только молодые женщины и женщины средних лет; женщина лет 50 меняет кичку на „шлык“,

¹⁾ Н. И. Лебедева (op. cit., с. 72) впервые встретила обычай у великоруссов не заплетать волосы в косы.

сшитый как повойник, и одновременно рубаху с красными поликами на рубаху с белыми поликами.

Праздничные кички отличаются от будничных тем, что они новее, и спереди нашито несколько рядов бисера и блесток. Шьется кичка чаще всего из красного кумача или красной шерстяной ткани.

Кичка представляет собою простеганную в несколько слоев полосу ткани, длиной в 16 см, шириной 4—5 см (рис. 8). Эта полоса при изготовлении кички скрепляется таким образом, чтобы получился полукруг. К внутренней стороне полукруга пришивается полоса ткани („задужка“) с завязками на концах. Эти завязки („мутбузки“) продеваются в петли, сделанные на кичке; при помощи этих завязок самая кичка и полоса, покрывающая волосы, укрепляются на голове. Здешняя кичка надевается таким образом, что ее твердая выступающая часть приходится на лбу и далеко выдается вперед надо лбом, в противоположность другим районам, где кичка надевается на голову и, не закрывая лба, возвышается над ним. Голова женщины в кичке с плат-

Рис. 8. Женщина в кичке. С. Рассошки.

ком имеет весьма своеобразный вид, по первому взгляду и общему облику приближая этот головной убор к черемисским. При кичке платок чаще повязывается концами назад, закрывая уши, но не заходя под подбородок (рис. 9 и 10с).

Выше указывалось, что кокошник и сорока являются праздничными головными уборами, надеваемыми в особо торжественные случаи; воскресным и будничным головным убором обычно является платок, в большей части сел в настоящее время без кички, а в прошлом, подобно с. Рассошки, с кичкой. Такое ношение кички с платком известно и из других мест Воронежской губернии. В будни носят покупные ситцевые платки — у молодых женщин и у девиц сохраняются еще „хранцузские“ довоенные платки — красного цвета с крупными цветами, имевшие весьма широкое распространение во всех южно-великорусских губерниях. У старых — чаще белые платки. Наряду с такими покупными платками широко известны также гладкие

красные платки, сшитые из кумача или сатина, обшитые гарусом („накищóные“) и бисером. Такие платки повязываются так, что концы, пройдя под подбородком, завязываются сзади узлом.

В холодное время надеваются сверху теплые шерстяные выходные платки. У женщины с хорошим приданым, обычно, имеется целый набор таких платков или шалей, которые она надевает в холодное время, смотря по важности того или другого праздника. Особенно распространены платки из тонкой шерстяной ткани с крупными красными цветами по черной земле („стамéтавые платки“, цена до войны 1 р. 75 к.) или наоборот — с черными цветами по красной земле („прóхрацкий платок“ повидимому изделие Прохоровской мануфактуры цена 1 р. 20 к.); затем часты

платки „с пъявачками“ — на черном фоне узор, обывательски называемый огурцы; так же „шалóнавай“ — красный в белую и черную клетку. Реже были распространены „гарнитóравыи платки с лапами“ — т. е. черные или темно-коричневые шелковые платки, с вышитыми золотом цветами, столь известные в старое время не только во многих местах губернии, но почти повсеместно в великорусских губерниях. Когда надевается платок, то спереди делается внутрь углубление, называемое здесь в настоящее время „рубéц“, по словам старух в прежнее время называли „личúжечка“ (рис. 11). Праздничные „накищóные“ платки повязывались таким образом, что концы приходились на лбу, где и укладывались самые концы с махрами („чубóчки“), за платки затыкали куриные перья, окрашенные в красный и другие цвета, или же цветы (мальва, мак, бархатцы). К обедне концы завязывают сзади. В зимнее время концы завязывают на макушке, закрывая уши („щóб вéтру в úхи не надúла“) — способ довольно редкий в Великороссии и весьма распространенный на Украине.

Богатство шейных украшений является необходимым при „годовском“ наряде; без них женщина не станет даже сниматься в кокошнике или кичке. Основными материалами для украшений служат бисер и гарус, по преимуществу черный; кроме того, довольно широко распространены низки разноцветных дутых бус. Самым нарядным шейным украшением является так называемый „брéдень“ (Мастюгино) или „манжéт“ (Оськино), представляющий собою сетку, снизанную из разноцветного бисера, с преобладанием синего и белого цветов; узор обычно геометрический, с преобладанием пересеченных ромбов, называемых „аряпýй“. Ширина этого „брéдня“ различная, в зависимости от достатка 5—15 см.; длина же делается такая, чтобы

Рис. 9. Женщина в поневе и кичке на жниве.
С. Рассошки.

при надевании была закрыта грудь, плечи и часть спины, не закрытые лентами позатыльника (рис. 3 и 4).

Каждый вид украшений носит специальное название, притом варьирующее по отдельным селам.

„Маниста“ — длинные, доходящие до пояса, полосы шириной 2—3 см, сотканые на особых досках из гаруса с бисером. „Маниста“ имеют на некотором расстоянии кружки из разноцветного гаруса и стекляруса („пушки“); внизу прикрепляется „хрѣст“ или „иконочка“, „хрѣс за склом“, т.-е. крест или круглая иконка под стеклом. Прикрепление иконки или креста к таким украшениям — явление весьма распространенное во всех южно-великорусских губерниях (рис. 11). „Сніски“ — блестящие дутые бусы; „прутики“, „бўзы“ (Платава) — бусы из крупного бисера (рис. 6 и 8). „Кўча“ — несколько рядов снизу белого бисера, лежащих на груди, действительно, кучей (рис. 6 и 8). „Янкáркáвые“ — желтые стеклянные бусы. „Виток“ (Рассошки) или „жгут“ (Оськино), „дудки“ (Мастюгино) — плетеные из мелкого бисера в виде толстого круглого жгута. Поверх всех длинных и коротких украшений надевается так называемый „верхник“, представляющий собой несколько рядов черного крупного бисера. Эти снизу носят постоянно, повидимому, это новая форма, весьма полюбившаяся.

Любопытной формой украшения является так называемый в Прилепах „язык“, в Солдатском „бáнтик“, представляющий собою кусок ленты (см. 15 — 20 длиной), или же подрубленный, часто на подкладке, такой же кусок кумача; при помощи завязок „язык“¹⁾ прикрепляется к шее и спускается на груди над разрезом рубахи. Его зачастую можно встретить на воскресном и на будничном наряде (рис. 5), даже с кофтой, на „годовском“ наряде он тонет в массе блестящих украшений, так что его тогда и не надевают. Несколько лет тому назад были известны еще косники, как девичье украшение, сделанное из шелковых лент, но за голодные годы их перевели, и сейчас нигде не пришлось встретить.

При надевании „годовского“ наряда молодой или девушке необходимо „подчепуриться“, т.-е. нарумяниться, что делается довольно умело и на первый взгляд не очень бросается в глаза.

Относительно обуви, как на одну из любопытных черт, следует указать, что села Голдаевка и Девица, расположенные рядом с украинской слободой Урьвом, не знают лаптей; редко, редко кто сплетет или купит себе лапти, предпочитают ходить босиком или в кожаной обуви. В данном случае несомненным является влияние украинских соседей. В других же селах, не соприкасающихся так близко с украинцами, лапти носят и в старое время были также праздничной обувью. Лапти плетут с „венцом“ (везде, кроме потуданских сел), т.-е. проплетают сверх лаптя на носке еще несколько рядов, которые выступают над поверхностью всего лаптя. Известны также и „падвѣртые лапти“, „падвиряють“ их конопляными веревками. Лапти носят с онучами и черными шерстяными оборами, длиной по 2 метра на каждую ногу; при обматывании получается как бы сплошной черный паголенок. Онучи тоже суконные, в противоположность „пратянкам“ из конопли, которые надеваются только мужчинами в сапоги. Кожаная мужская обувь — обычные русские сапоги. Женская кожаная обувь разного рода: „коты“ или „бахилы“ — грубые открытые туфли, „черевики“ — закрытые туфли с цветными завязками

¹⁾ Отмечен у Н. И. Лебедевой (op. cit., 106) и у М. Е. Шереметевой. „Крестьянская одежда Колужской Гамаюнщины“ К. 1925, с. 29.

(рис. 5). Те и другие надеваются с белыми толстыми чулками; чулки не подвязываются. Несколько лет тому назад обычно вязали очень широкие и длинные чулки, которые спускались по ноге густыми складками. Побывав на Кубани, вывезли оттуда обычные узкие чулки. В последние годы, за неимением кожи, стали шить суконные „коты“ со „шкурными“ (кожаными) подошвами. Кроме того, как особо праздничная обувь, известны были высокие кожаные сапоги „на 12 сборах“ с подковами. Последние лет десять, как праздничная обувь, особенно у молодежи, являются городские полуботинки. Известны также и веревочные „чуни“, но их сами не плетут, а покупают в кооперативе.

Девичья одежда в обследованном районе, как и везде в южно-великорусских губерниях, отличается от женской не только головным убором, но и поясной одеждой.

Вместо женской поневы здесь девушки носят юбки, преимущественно красного цвета — шерстяные полосатые, подобно женским в Прилепах и Солдатском, или же красные с черными полосами. В Мастюгине в последние годы появились черные шерстяные гладкие юбки с подолом, вышитым гарусом, крестом; узором розетки. Вышивать юбки стали совсем недавно, лет 5—6, в подражание нашивавшимся ранее лентам с „твятами“ (с цветами). За неимением в продаже таких лент, вышивают цветы на самой ткани. Да и самые шерстяные юбки тоже появились недавно, с того времени, когда не стало ситца. Такая юбка по ткани близка к поневе, но никогда не имеет пояса на подоле (рис. 11). Маленькие девочки, лет 10—12, ходят в одних белых

а б с
Рис. 10. Повязка платка: а, б — девичья, с — женская. С. Рассошки.

рубашках, с белыми паляками, подпоясанных черными „патпаясками“, концы которых свешиваются спереди. Несколько лет тому назад без юбок девочки ходили лет до 15—16; когда начинали считаться уже невестами, надевали юбку и рубашу с красными паляками.

Особо нарядный девичий головной убор — венок (рис. 11). В Голдаевке и Девиче это венок из восковых цветов, в Солдатском и Прилепах из бумажных цветов с золотой бумагой, павлиньими перьями, бусами и бисером. В селах, расположенных дальше Дона, венок неизвестен. Вместо него носили гарнитуровый платок, сложенный в виде полосы. В настоящее время девушки носят красные французские платки, различным образом повязывая их, концы под подбородок, или назад, или же перекрещивают концы на затылке, завязывают узлом на лбу (рис. 10а, б). За платок затыкают цветы и крашенные перья.

Под венец невеста едет в верхней одежде — зимой в шубе, в остальное время в халате; сверх шубы или халата повязывается красная или зеленая подпояска; вокруг шеи „пакрываэль“ из „мил-

калѣту* (из миткаля), сверху него крест; концы покрывала перекрещиваются на груди и продеваются за пояс. После же венца этот „пакрываень“ надевают на голову, по приезде домой надевают сороку или кокошник.

Когда хоронят, то надевают поневу без украшений, белую рубаху и белое „палѣтнушка“ (из миткаля) на голову.

Заканчивая описание одежды, одного из наиболее существенных устойчивых этнографических признаков при изучении великорусов, можем констатировать прежде всего поразительную сохранность старинных форм и отдельных элементов, переживающих в данном районе до настоящего времени. Анализируя сохранившиеся старинные формы, можно разобраться в тех основных элементах, которые легли в основу бытующего сейчас костюма и в тех наслоениях, которые появились с веками, благодаря тем или иным культурно-историческим ситуациям в этом крае.

При детальном анализе можно определенно констатировать две основные струи, которые, переливаясь в различных комбинациях в отдельных селениях, определяют современную физиономию женского костюма. Выше, попутно, мы касались этого вопроса при описании отдельных частей костюма. Суммируя выше приведенные замечания, мы можем сказать, что современный праздничный женский костюм в обследованном районе представляет контаминацию северно-великорусского типа, в его московской разновидности, и южно-великорусского типа. Последний, как основная этническая подпочва, выявляется более ярко и определенно, в виду того, что население этого района по своему происхождению принадлежит к южно-великорусской ветви, о чем, между прочим, весьма настоятельно говорят и языковые факты. Московское наслоение проникло в эту южно-великорусскую среду в слабой степени, в связи с тем, что данное население, принадлежавшее к служилому, а не тяглому сословию, приобщалось к московской культуре и моде, но благодаря окраинному положению таких сторожевых пунктов, как Урыв и Коротояк, непосредственное влияние Москвы сказывалось не так ярко, как в подмосковных районах. Воронежская степь в конце XVII века для Москвы была глухой провинцией, окраиной, куда в весьма слабом отражении докатывались волны московской культуры, московских вкусов и мод, широкой и интенсивной волной разливавшихся по близлежащим подмосковным районам. То, что инородные, не южно-великорусские элементы описанных выше форм одежды стоят под московским воздействием, на нашем материале особенно рельефно выступает, если мы сопоставим материалы, характеризующие села, прилегающие к старым городам на Дону, Девица, Голдаевка, тянущиеся к Урыву, и на Потудани — Солдатское, Прилепы — тянущиеся к Коротояку, с материалами из сел, удаленных от городов. Эти села, жившие в XVII — XVIII в.в. весьма тесной жизнью с близлежащими городами, в большей степени носят элементы московского наслоения, в то время, как другая часть обследованного района, села более удаленные от Дона и непосредственного влияния бывших очагов местной культуры — Урыва и Коротояка, т. е. Мастюгино, Оськино, Платава, Рассорки и др., весьма слабо усвоили московскую моду, сохранив в более чистом виде южно-великорусские черты своего костюма. Углубляясь далее в этот вопрос, можно нарисовать любопытную картину культурного взаимоотношения между первоначальными насельниками этих погра-

ничных районов и поставить вопрос о культурном значении для XVII—XVIII в.в. этих сторожевых крепостей на южной окраине московского государства. Не уклоняясь от основной темы, я на основании только материалов по одежде ставлю этот вопрос, не привлекая данных по другим вопросам материальной культуры, а также весьма любопытных и ценных данных по духовной культуре и фольклору, в частности по свадебному обряду. Но уже на основании только одной стороны материальной культуры—на основании материалов по женской одежде—можно говорить о том, что для старого времени эти небольшие крепостцы, зачастую расположенные в весьма неудобных местах для мирного жительство, но имевших большое стратегическое значение для пограничной службы, были очагами культуры, к которым тянулись окрестные поселения; в глазах местного населения и Урыв и Коротояк были образцами, достойными подражания, и чем дальше от них стояли

Рис. 11. Девушки в праздничных нарядах. С. Прилепы.

села, чем меньше было непосредственного соприкосновения с городским населением, тем меньше встречаем элементов московской моды. Таким образом, при этнографическом изучении южно-великорусских районов, существенно поставить вопрос о культурной роли в прошлом того или иного селения, бывшего городом, а позднее превратившегося в село, мало отличающееся в настоящее время от остальных.

В чем же можно усматривать влияние московской моды в описанном районе? Прежде всего обращает внимание одна из существеннейших частей одежды — рубаха. В селах, близко лежащих к старым городам, распространен покрой рубахи, названный выше голдаевским; он является типичным для южной части северно-великорусского района, господствующий в Московской губ. и Верхнем Поволжье, недаром в последней работе Б. А. Куфтина он и назван московским подтипом северно-великорусского типа рубахи¹⁾. Правда, этот тип известен и в южно-

¹⁾ „Материальная культура русской мещеры“, ч. I. М. 1926, с. 42.

великорусских губерниях, но бытует он наряду с другим, южно-великорусским типом, который постепенно исчезает. Это исчезновение показывают и материалы Б. А. Куфтина по Рязанской губ. и наши материалы — выше указывалось, что в таких селах, как Мاستюгино и другие, уже шьют „па-галдаецки“. В селах, лежащих ближе к бывшим городам, другой тип рубахи в настоящее время вовсе неизвестен, да и материалы Этн. Отд. Русск. Музея, относящиеся к 1904 году из с. Девичы и пригородных слобод г. Коротояка, также говорят за это. В селах же, удаленных от Урыва и Коротояка, определенно выявлен другой тип южно-великорусской рубахи с косыми поликами, и только в последнее время появляется голдаевская мода.

В головном уборе также чувствуется московская мода — это наличие в ряде сел в качестве женского головного убора кокошника. Выше указывались особенности здешнего кокошника, как-то — его малые размеры, надевание поверх кички, надевание подобно сороке надо лбом, наличие сложного позатыльника южно-великорусского типа при этом кокошнике; все это говорит не за органическое его развитие, а за позднее наслоение, принесенное на существовавший и развитый уже головной убор иного типа — а именно южно-великорусскую сороку с кичкой. И в ряде сел, дальше стоящих от городков, в Рассошках, Оськине, Яблочном, эти старые формы сохраняются; в Мастюгине и Платаве, ближе остальных лежащих к Дону, уже отмечено наличие кокошника. Однотипность самого кокошника по всему обследованному району и даже по всей губернии говорит об одном или по крайней мере об однородных в культурном отношении источниках его распространения. Близость кокошника по форме с другими районами Воронежской губернии указывает на однородность путей московского (городского) влияния в пределах всей губернии. Выше указывалось сходство воронежского кокошника с кокошником прилегающих уездов Тамбовской губернии, которая, очевидно, была в одном круге культурных взаимоотношений с Воронежской губернией в старое время.

Основная форма одежды, сопутствующая московским модам, сарафан, в описываемых селениях вовсе отсутствует, не появляясь даже в виде девичьей одежды, что имеет место в ряде других мест, как Воронежской (напр., в Нижнедевицком уезде), так и многих южно-великорусских губерний. В отношении этой формы мы не можем проследить степень московской моды в тех или иных селах, но влияние прежних местных культурных центров на одежду, заменяющей сарафан — на поневе — сказывается. Выше мы отмечали, что к типу поневы, называемому местным населением „голдаевским“, принадлежат поневы всех сел, лежащих ближе к городам, и особняком стоят старинные поневы более удаленных сел, в которых голдаевский тип поневы рядом с голдаевской рубахой появляется только в последнее время, и отчетливо чувствуется, как что-то пришлое и новое. Уже указывалось, что голдаевская понева характеризуется богатой расшивкой на современных экземплярах гарусом, на старинных же поневах, собранных Русским Музеем в 1904 г. из пригородных слобод г. Коротояка, некрученым шелком. По характеру и расположению вышивки, по узорам на отдельных частях поневы, а также по расцветке, гарусная расшивка на поневах стоит в теснейшей связи со старинной шелковой расшивкой. Богатство расшивки на поневах, обилие разновидностей поневы в этих селах, строгая регламентация надевания того или иного вида поневы, в этих селах, все говорит за то, что в них господствовала одна мода, стоящая под определенным крепким воздействием города, в данном случае Коротояка, более зажиточное население которого

и могло так разнообразить и украшать поневу. Кстати, следует заметить, что жительницы г. Коротояка еще в 1904 г. носили поневы и кокошники; по словам крестьян и сейчас некоторые еще донашивают старинный костюм.

Расшитые поневы в Коротоякском уезде представляют собою любопытный оазис; в Воронежской губернии по имеющимся в моем распоряжении материалам сходные поневы известны еще только в Бирючском уезде, именно в с. Верхнесосенск. Любопытно, что Верхнесосенск, подобно Урыву и Коротояку, также был сторожевым пунктом, основанным в середине XVII в. Кроме того, есть сведения, что в 50-х годах вышитые шелком поневы были известны в с. Нижнепокровском Бирючского у. Из других южно-великорусских губерний расшитые поневы, повидимому, известны только в Орловской губернии, но там расшивка во многих отношениях отличается от Воронежской, и, вероятно, иного происхождения. В других же селах нашего района бытует понева по преимуществу с галуном и пояском на подоле, и только под влиянием богато расшитых соседских понев и в этих селах появляется неширокая вышивка, идущая исключительно по подолу („подподолень“), как бы заменяя по месту старинное украшение — позумент; выше, на клетки и швы расшивка здесь не поднимается в самых праздничных поневах, так как такое расположение украшений не имеет преимущества, как выше названный „подподолень“.

В виду наличия украинских поселений в обоих административных районах — с. Урыв — в Урывском и с. Колбино в Коротоякском — невольно встает вопрос о взаимоотношении между великорусами и украинцами и о тех или иных отражениях такого соседства на великорусской одежде.

Не затрагивая общего вопроса о культурно-бытовом взаимоотношении при встрече той и другой народности, скажу несколько слов по интересующему вопросу. При беглых наблюдениях исследователь может быть введен в заблуждение указаниями местных крестьян. В первые дни работы при расспросах об одежде приходилось неоднократно слышать, что у нас „на хахлацкий штык передаются“, да у нас „хахлацкая мода паявилась“, или указание, как на идеал „убраться па-хахлацки, тагда и сняться ня стыдна“. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что все то в одежде, что местными крестьянами принимается за „хахлацкое“, есть ничто иное, как общерусское городское, а именно — ситцевая юбка с кофтой на выпуск и ситцевый платок. Эта последняя мода проникает особенно интенсивно в последние годы, после того, как местное население побывало в голодные годы на Кубани, жило у украинцев, где женщины носят уже городской костюм. Увидев много культурных преимуществ у жителей Кубанской области, местное население в настоящее время стремится хоть в чем-нибудь и в своем быту приблизиться к кубанскому образу жизни. Отсюда стремление перейти на юбку с кофтой, которую они видят и у своих ближайших соседей в Урыве и Колбине. Таким образом, типично украинского в великорусской одежде обследованного района, как в мужской, так и женской, усмотреть нельзя¹⁾. Могу привести только несколько терминов, связанных с одеждой и, повидимому, пришедших от украинцев — „бунта“ для обозначения ленты, „запáска“ для обозначения передника. Но все это, конечно, поверхностные и случайные отражения соседства.

¹⁾ Только села, близкие к Урыву — Девица и Голдаевка не знают лаптей, как и украинцы.

Если бы мы стали сравнивать описанные формы одежды по отдельным деталям и по общему *habitus*у костюма со смежными уездами, то как обследованный район, так и большую часть Коротоякского уезда следует скорее сближать с южными уездами губернии, главным образом с Бирючским, и чувствуется некоторая разобщенность с северными уездами — Землянским, Задонским и Воронежским, представляющими в общем нечто более или менее сродное как в отношении одежды, так и в отношении языка, и довольно существенно отличное от юго-западной части губернии. Продолжение начатых работ на территории Воронежской губернии даст в будущем возможность разбить одну административную единицу на ряд областей, связанных между собою в этнографическом, культурном и историческом отношении, и уточнить вопрос о заселении степной великорусской окраины и о происхождении ее населения.

Кроме того, следует отметить близость Коротоякского у. к восточным уездам Курской губернии, которая в культурно-историческом отношении была, повидимому, тесно связана с юго-западной частью Воронежской губернии. За эту близость говорят, кроме интересных нас в данный момент материалов, также и языковые данные.